

ОБЗОР ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА. ОКТАБРЬ 2020 ГОДА¹.

В деле «*Перовы против России*» (жалоба № 47429/09, 20 октября 2020 года) с минимальным перевесом голосов (четыре против трёх) судьи Европейского Суда пришли к выводу, что государство не нарушило право супругов Перовых обеспечивать своему сыну образование согласно своим религиозным убеждениям (статья 2 Протокола № 1 к Конвенции), а также свободу вероисповедания их сына (статья 9 Конвенции). Согласно фактическим обстоятельствам дела к началу школьного года по инициативе нескольких православных родителей священник провёл обряд освещения классной комнаты в присутствии учеников, в том числе, 7-летнего сына заявителей. Во время обряда сына просили креститься и приложиться к распятию.

Заявители по данному делу – семья Перовых – исповедовали другую ветвь православия. В жалобе в Суд они указывали, что проведение подобного обряда без уведомления родителей, принудительное участие их сына в этом обряде вынудило их раскрыть принадлежность к другой религии, а также оказало негативное влияние на сына, которого после обряда предположительно избили одноклассники (§§ 41-43). Ранее Европейскому Суду уже приходилось сталкиваться с оценкой субъективных представлений заявителей о воздействии происшествия на воспитание ребёнка согласно религиозным убеждениям в деле «*Лаутси против Италии*» (Lautsi v. Italy, 18 марта 2011 года). Аналогичным образом Суд в настоящем деле признал, что заявители не представили доказательств психологического или иного воздействия обряда на сына, также не было установлено причинение сыну «глубокого страдания» (например, заявители не предоставляли отчёт о клинической психологической или социальной оценке ребёнка). В свою очередь власти оперативно и адекватно отреагировали на жалобы заявителей (§§ 66-68).

Несмотря на решение Суда, дальнейшая дискуссия между судьями «большинства» и судьями «в оппозиции» развернулась в отдельных мнениях. В особом мнении «меньшинства» судьи выразили сожаление противоречивой практике Суда по статье 9 Конвенции в отношении свободы вероисповедания ребёнком, в частности, отметили трудности рассмотрения дела в индивидуализированном ключе с учётом «наилучших интересов» ребёнка (§§ 11-14). Тем не менее, судьи посчитали, что именно в данном случае с учётом фактических обстоятельств дела имело место нарушение статьи 9 Конвенции в отношении сына (§ 23), а Большая Палата в будущем сможет скорректировать свой подход в рассмотрении подобных дел (§§ 4, 24).

В ответ на особое мнение «меньшинства», судьи, сформировавшие большинство в данном деле, ещё раз подчеркнули, что решение было принято именно с учётом специфических обстоятельств дела и своевременная и адекватная реакция властей на произошедшее не позволяет признать государство ответственным за нарушение прав заявителей (§ 2). При этом, по их мнению, данное дело наилучшим образом могло бы быть разрешено в конструктивном диалоге между заявителями и школой, нежели чем в национальных судах и Европейском Суде по правам человека (§ 3).

В деле «*Нагибин и другие против России*» (жалоба № 9685/08 и др., 20 октября 2020 года) заявители пытались организовать массовые мероприятия, но в рамках согласовательной

¹ Обзор подготовили стажёры-исследователи Научно-учебной лаборатории международного правосудия НИУ ВШЭ Ганина Ольга, Кузнецова Татьяна, Кулакова Яна, Рябова Анастасия, Хабирова Дания.

процедуры власти ограничивали им место, время и способ проведения мероприятий. Оценив обстоятельства дела, Европейский Суд в очередной раз признал нарушение российскими властями международных стандартов обеспечения гарантий свободы выражения мнений и свободы собраний в рамках статей 10 и 11 Конвенции. Несмотря на устоявшуюся практику Суда (*Навальный и Яшин; Фрумкин; Лашманкин и другие*) и позицию Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) в отношении российского законодательства о свободе собраний в целом, проведение в России собраний всё ещё часто сопровождается необоснованными задержаниями и административными арестами. Не исключением стал и случай заявителей, поэтому в настоящем деле Суд также установил нарушение статей 3, 5 и 6 Конвенции.

В деле «*Мухаммед и Мухаммед против Румынии*» (жалоба № 80982/12, 15 октября 2020 года) Большая палата обнаружила нарушение ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции. Заявители по данному делу, Адель Мухаммед и Рамзан Мухаммед, прибыли в Румынию по студенческой визе, предварительно получив стипендию на обучение. Румынская разведка предоставила прокуратуре секретные документы для обращения в местный суд и признания заявителей «нежелательными лицами» на том основании, что они представляют угрозу национальной безопасности. Секретные документы были приняты судом в качестве доказательств. Суд признал заявителей «нежелательными» на срок 15 лет и приказал поместить их под стражу в административном порядке до их депортации. Позже заявители обжаловали судебное решение в вышестоящей инстанции, однако их юристы не имели доступа к секретной информации. Решение было оставлено без изменения.

Большая палата отметила, что права, обозначенные заявителями, а именно право быть проинформированным о причинах высылки и право на доступ к документам в материалах дела, прямо не упоминаются в тексте статьи 1 Протокола № 7 (§125). Однако Суд пришел к выводу, что пункт 1 статьи 1 Протокола № 7 сам по себе требует, чтобы заинтересованные иностранцы были проинформированы о соответствующих фактических элементах, которые заставили компетентные национальные власти считать, что они представляют угрозу для национальной безопасности. Им также должен быть предоставлен доступ к содержанию документов и информации в материалах дела, на которые эти органы опирались при принятии решения об их высылке (§129). Суд отметил, что любые ограничения рассматриваемых прав не должны отменять процессуальных гарантий статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. В контексте данной нормы допустимы только такие ограничения, которые в обстоятельствах каждого дела должным образом обоснованы и достаточно сбалансированы (§133). Суд указал, что из материалов дела не следует, что необходимость в таких ограничениях была изучена и признана должным образом обоснованной независимым национальным органом. Через призму общего контекста пункта 1 статьи 1 Протокола №7 Суд изучил меры, принятые в отношении заявителей. ЕСПЧ пришел к заключению, что заявители получили только очень общую информацию о правовой квалификации выдвинутых против них обвинений, а о конкретных угрозах национальной безопасности в материалах дела упоминаний не было. Им также не предоставили информации о ключевых этапах разбирательства или о возможности доступа к секретным документам в деле через юриста, имеющего соответствующее разрешение. Суд пришел к выводу, что ограничения, наложенные на заявителей, подрывали саму суть прав, предусмотренных статьей 1 Протокола № 7 (§§ 203-206). Стоит отметить, что данное решение является первым решением Большой

палаты по статье 1 Протокола № 7 к Конвенции и, скорее всего, станет практикообразующим.

В деле «[Байчич против Хорватии](#)» (жалоба № 67334/13, 8 октября 2020 года) заявитель указывал, что он был дважды наказан за одно и то же правонарушение в нарушение статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. Напомним, что данная статья запрещает судебное преследование или судебное разбирательство по второму «правонарушению» в той мере, в какой оно возникло на идентичных фактах или фактах, которые были одинаковыми по существу. Заявитель сначала был оштрафован в рамках производства по делу о мелком правонарушении за превышение скорости, вождение неисправного транспортного средства и оставление места аварии. В ходе последующего уголовного производства заявитель был приговорен к тюремному заключению за дорожно-транспортное происшествие, в котором погиб другой человек. Суд сослался на знаковое дело «*А. и Б. против Норвегии*» и указал на необходимость определения, влечет ли конкретная обжалуемая национальная мера по существу двойную ответственность или, напротив, является продуктом интегрированной системы, позволяющей рассматривать различные аспекты правонарушения предсказуемым и пропорциональным образом.

Суд отметил, что в своей практике в схожих делах против Хорватии признавал мелкое правонарушение уголовным по смыслу статьи 4 Протокола № 7 (§27). Далее Суд рассмотрел вопрос о том, являются ли правонарушения по существу одинаковыми и пришел в выводу, что в настоящем деле совпадение фактов, которые были предметом разбирательства по делу о мелком правонарушении и уголовного производства, было лишь частичным (§36). Однако даже в таком случае Суд признал необходимость удостовериться в том, что не было, пусть даже частичного, дублирования судебного разбирательства или наказания (§38). ЕСПЧ заключил, что цели наказания были реализованы в рамках двух прогнозируемых взаимодополняющих комплексов процедур, которые были в достаточной степени связаны по существу и во времени. В ходе этих разбирательств между двумя судами было налажено надлежащее взаимодействие, и назначенные наказания в совокупности не налагали на заявителя чрезмерного бремени, а ограничивались лишь тем, что было строго необходимо с учетом тяжести совершенного преступления. Таким образом, Суд не обнаружил нарушения статьи 4 Протокола № 7. Следует отметить, что практика ЕСПЧ по данной статье немногочисленна и данное решение еще раз подтвердило подход, выработанный Большой палатой в деле «*А. и Б. против Норвегии*».

Дело «[Акбай и другие против Германии](#)» (жалобы № 37273/15, 40495/15 и 40913/15, 15 октября 2020 года) связано с осуждением мужа первой заявительницы и двух других заявителей за контрабанду наркотиков. Н.А. и второй заявитель, которые были друзьями, организовали ввоз через знакомых последнего. Вместе с тем, лицо, предложившее безопасный канал поставки, было полицейским под прикрытием. Третий заявитель был нанят Н.А., чтобы забрать наркотики из ранее арендованной квартиры в Бремерхафене и перевезти их в Берлин. Берлинский окружной суд признал Н.А. виновным в незаконном ввозе и обороте наркотиков, а второй и третий заявители были признаны виновными в пособничестве Н.А. Национальный суд установил, что Н.А. и второй, но не третий заявитель были спровоцированы государственными органами на совершение преступлений, поэтому наказания Н.А. и второго заявителя были значительно сокращены, также было смягчено наказание, назначенное третьему заявителю. Заявители обжаловали это решение, считая, что ввиду провокации производство должно быть прекращено, но

суд вышестоящей инстанции оставил решение в силе, сославшись на устоявшуюся практику.

ЕСПЧ провел материальный и процессуальный тесты на выявление подстрекательства. Он отметил, что хотя Н.А. находился в прямом контакте с тайным агентом полиции и информатором, действовавшим по указанию полиции, второй заявитель не имел с ними прямого контакта (§ 125). Как выяснилось, Н.А. не имел ранее существовавших контактов, позволяющих ему приобретать и продавать наркотики, тем не менее полиция продолжала связываться с ним через информатора и побудила его организовать ввоз наркотиков через, казалось бы, безопасный канал. Информатору были обещаны гонорары и бонусы за его деятельность. Суд отметил, что возможно, только этот безопасный канал ввоза позволил Н.А. и его соучастникам организовать ввоз наркотиков с людьми, которых он случайно нашел в Нидерландах. Что касается второго заявителя, он был причастен к ввозу наркотиков, поскольку через его знакомого в Нидерландах по совпадению Н.А. удалось организовать ввоз (§128). Для полиции было предсказуемо, что Н.А. свяжется с другими лицами для участия в совершении преступления (§129). Суд отметил, что второй заявитель решил внести свой вклад в ввоз наркотиков Н.А. через порт именно из-за, казалось бы, безопасного канала, созданного полицией (§130). Суд заключил, что правонарушение как Н.А., так и второго заявителя не было бы совершено без влияния властей (§131). ЕСПЧ пришел к выводу, что, поскольку существовала тесная связь между признаниями в том, что преступление было совершено, и подстрекательством, которое привело к передаче правонарушения на рассмотрение, окружному суду следовало исключить не только показания тайного агента и надзирающих за ним сотрудников полиции, но и протокол сообщения информатора, а также признание Н.А. и второго заявителя (§131). Так как этого не было сделано, имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.

Что касается третьего заявителя, он был осужден за то, что согласился забрать наркотики и перевезти в Берлин после того, как они были вывезены из порта с помощью докера и доставлены в квартиру (§146). В отличие от ввоза через порт, полиция не участвовала в этих последующих перевозках. Участие и деятельность третьего заявителя не могут, по мнению Суда, рассматриваться как определяемые действиями полиции, которая не оказывала на него давления. В связи с этим нарушения статьи 6 § 1 Конвенции в отношении него не было обнаружено. В данном деле Суд подтвердил сделанные в деле *«Ферч против Германии»* выводы о том, что все доказательства, полученные в результате подстрекательства полиции, должны быть исключены.

Заявитель по делу *«Удальцов против Российской Федерации»* (жалоба № 76695/11, 6 октября 2020 года) С. Удальцов был задержан в 2011 году и впоследствии привлечен к административной ответственности.

Ему было назначено наказание в виде 10-ти суток ареста. В изоляторе он начал голодовку, в связи с чем его перевели в больницу за пределами тюрьмы. Он был освобожден 22 октября 2011 года, однако против него было возбуждено производство по факту покидания больницы в отсутствие разрешения.

В декабре 2011 Сергей Удальцов был осужден сразу за три эпизода административных правонарушений (среди которых был и эпизод, связанный с уходом из

больницы без получения разрешения). Однако уже в мае 2012 года Верховный суд РФ признал незаконным административный арест за уход из больницы.

В поданной в ЕСПЧ жалобе заявитель отмечал, что действиями государственных органов нарушено его право на свободу и безопасность (статья 5 Европейской конвенции по правам человека), в частности, он был произвольно подвержен административному аресту по надуманным причинам в октябре и декабре 2011 года. По мнению заявителя эти эпизоды преследовали лишь одну цель: предотвратить его участие в протестных митингах. Он также подавал жалобы на нарушение его права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции).

Европейский суд по правам человека поддержал заявителя и установил нарушение его права на свободу и безопасность, а также нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В частности, суд заострил свое внимание на том, что в 16:00 4 декабря 2011 г. полиция уведомила адвоката заявителя о продолжающемся разбирательстве и о слушании, назначенном в тот же день на 16:30. Суд также отметил, что заявитель в то время находился под арестом. По мнению Суда, сторона защиты была лишена реальной возможности выдвинуть качественную позицию.

В деле *«Михаил Миронов против Российской Федерации»* (жалоба № 58138/09, 6 октября 2020 года) был поднят вопрос беспристрастности судьи национального суда. В 2005 году заявитель купил земельный участок у Гдовского муниципалитета Пскова, при этом главой муниципалитета был отец заявителя.

В июне 2007 года прокуратура подала иск о признании сделки недействительной. Более того, против отца заявителя было возбуждено уголовное дело по факту продажи земли ниже рыночной стоимости, в чем государственные органы усмотрели злоупотребление служебным положением. Мировой судья отклонил гражданский иск прокурора, но затем в 2008 году в Гдовском районном суде это решение было отменено, а договор купли-продажи признан недействительным. Решение на этом уровне было принято судьей А. единолично.

В дальнейшем судья А. отказался участвовать в уголовном деле, возбужденном против отца заявителя ввиду своего предыдущего участия в гражданском деле по данному вопросу. Кроме того, он заявлял, что уже выразил свою точку зрения по вопросам законности продажи земельного участка.

Областной суд в октябре 2008 года отменил решение районного суда и вернул гражданское дело в суд первой инстанции. Таким образом, дело снова было направлено на рассмотрение судье А.

М. Миронов указывал на предвзятость судьи А, поскольку судья уже заявлял самоотвод в рамках уголовного дела. Однако судья отклонил этот отвод и разрешил гражданское дело, поскольку свой отвод в уголовном деле судья счел ненадлежащим основанием для отвода в гражданском деле

Таким образом, заявитель жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено (статья 6 Конвенции). ЕСПЧ согласился с доводами заявителя и отметил, что судья А. сам констатировал, что он уже сформировал свое мнение по предмету дела заявителя – законности приобретения земельного участка. ЕСПЧ отметил, что жалоба Миронова на предвзятость не могла парализовать судебную

систему и, следовательно, не противоречит процессуальным требованиям. В такой ситуации, когда существовали обстоятельства, которые в принципе могли повлиять на беспристрастность судьи, например, конфликт интересов, судье А. было неприемлемо принимать решение по отводу против самого себя. ЕСПЧ признал нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

В деле «[Агапов против России](#)» (жалоба № 52464/15, 6 октября 2020 года) Суд рассмотрел вопрос о допустимости привлечения к гражданско-правовой ответственности в случае истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Обществу с ограниченной ответственностью «Арго-РусКом» по результатам налоговой проверки в 2013 году были начислены пени и штрафы. Ее генеральным директором на тот момент являлся Агапов А.А. В связи с неплатежеспособностью Общества, в отношении него была введена процедура банкротства, а затем компания была ликвидирована.

В связи с истечением срока давности уголовное дело по факту неуплаты налогов и сборов в отношении Агапова А.А. не было заведено, но, несмотря на это, его фактически обязали возместить государству причиненные убытки, то есть выплатить все начисленные пени и штрафы в соответствии с гражданским законодательством.

Не согласившись с подобным подходом и не добившись эффективного восстановления нарушенных прав в российских судах, Агапов А.А. обратился в ЕСПЧ. По мнению заявителя, положение § 2 статьи 6 Конвенции прямо указывает на то, что в отсутствие обвинительного приговора лицо не может быть признано виновным в совершении преступления, в связи с чем не обязано возмещать убытки государству (презумпция невиновности).

Суд указал, что в случае освобождения от уголовной ответственности допускается гражданско-правовая ответственность за совершенные действия. По мнению Суда, между следственными действиями в рамках уголовного разбирательства и гражданским судопроизводством о возмещении ущерба существовала прямая связь – гражданско-правовые требования были основаны в том числе на материалах, собранных следователем в ходе проверки, и были квалифицированы как ущерб, причиненный именно в результате совершения уголовного преступления.

Но в то же время Суд уточнил, что если решение национального суда по гражданскому делу основывается лишь на утверждении о виновности в совершении преступления, то нарушаются положения § 2 статьи 6 Конвенции.

Так, Суд установил, что национальные суды не сослались ни на одну норму права, которая бы позволяла исследовать вопросы фактических и правовых оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности руководящего лица Общества. Суды сослались на постановление следователя, не исследовав при этом доказательств совершения преступления, де-факто сделав его преюдициальным по данному делу в нарушение национального законодательства. Таким образом, Судом было признано нарушение Россией § 2 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к ней.

В рамках дела *«Захаров и Варжабетян против России»* (жалобы № 35880/14 и 75926/17, 13 октября 2020 года) рассматривался вопрос об ответственности за применение силы при задержании лиц, участвующих в митингах.

Заявители по настоящему делу являлись участниками митинга 6 мая 2012 года, при этом один из них был организатором митинга. Как указывают заявители, они не нарушали порядок проведения митинга, а также не оказывали какого-либо сопротивления полиции при задержании, но, несмотря на это, к ним было применено физическое насилие со стороны полицейских во время задержания. При этом оба заявителя в дальнейшем не были задержаны или обвинены в совершении какого-либо административного правонарушения или преступления.

Заявители обратились в Следственный комитет, указав на необходимость возбуждения уголовного дела в связи с жестоким обращением во время разгона митингующих. Правоохранительными органами была проведена проверка жалобы, однако, по его результатам не было возбуждено уголовное дело, поскольку по мнению следователя заявители обязаны самостоятельно обращаться с заявлением в рамках уголовного производства.

Национальный суд, рассматривая указанное дело, указал, что в случае наличия какого-либо обвинения, или иных оснований полагать, что права граждан были нарушены, органы власти обязаны принять меры сразу после того, как это стало известно. Даже если сама жалоба не содержит волеизъявления заявителя о проведении расследования, но есть явные признаки его необходимости, органы власти должны проявить собственную инициативу.

Суд подчеркнул, что надлежащая реакция властей при расследовании заявлений о жестоком обращении со стороны полиции или иных государственных органов имеет важное значение для как верховенства права, обеспечения общественной безопасности (§ 49).

Когда органы власти прибегают к применению силы в отношении митингующих лиц, должен быть установлен контроль за предпринятыми властями действиями, включая соразмерность примененной силы. Помимо этого, необходимо проверить, регламентировано ли применение силы таким образом, чтобы минимизировать риск причинения телесных повреждений. Таким образом, Суд признал нарушение Россией статей 3 и 11 Конвенции в отношении обоих заявителей.

В постановлении по делу *«Агдгомелашвили и Джанаридзе против Грузии»* (жалоба № 7224/11, 8 октября 2020) Европейский Суд рассмотрел вопрос о нарушении статьи 3 в сочетании со статьей 14 Конвенции, отдельно уделив внимание причинению психологического страдания, связанного с дискриминацией. Так, в 2009 году в офис общественной организации, целью которой было развитие ЛГБТ-сообщества в Грузии, пришла группа людей, представившихся полицейскими, для проведения обысков. Сотрудники организации, которые на тот момент находились в офисе, неоднократно просили предоставить соответствующие документы, в том числе, ордер на обыск, однако прибывшие лица просьбы проигнорировали. В ходе обыска полицейские оскорбительно высказывались в сторону работников организации. Одна из заявительниц отмечала, что личный мобильный телефон был конфискован, после чего остальных женщин группами отправили в отдельную комнату и заставили раздеться. Вторая заявительница также

подчеркивала, что такой обыск проводился исключительно с целью унижения, поскольку сотрудники должным образом не проверили одежду. При этом, Грузия со своей стороны не оспаривала и не предоставила версию событий, произошедших при обыске, что, по мнению Суда, является молчаливым принятием (§ 45).

Проанализировав все обстоятельства дела, Европейский Суд отметил, что жалоба подпадает под действие статей 3 и 14 Конвенции. Оценивая действия властей, Суд отметил, что власти не предприняли в последующем ни одного следственного действия для проведения эффективного расследования случившегося. Суд также отметил, что в случаях, где присутствует проявление дискриминации, государственные органы должны принимать все возможные меры для выявления причин таких мотивов (§ 38). Более того, Суд считает, что такое затягивание процесса может толковаться, в том числе, и как уклонение от расследования дела по дискриминационному признаку. В то же время Суд настаивает на необходимом проведении содержательного расследования, так как именно дискриминация могла быть движущим фактором таких действий сотрудников полиции в связи с враждебным отношением к ЛГБТ-сообществу (§ 40).

Кроме того, Суд рассмотрел было ли допущено нарушение статьи 3 Конвенции, которая запрещает физическое и психологическое насилие. Согласно практике ЕСПЧ, обращение может быть квалифицировано как «унижающее достоинство», если оно вызывает у жертвы чувство страха, тоски, неполноценности, унижения, резкое снижение и самооценки, и оценки окружающими. Также такое поведение может демонстрировать неуважение к человеческому достоинству или умалять его (§ 42). Оценивая действия полиции на предмет злоупотреблений, Суд признал, что такие действия подпадают под выработанные критерии статьи 3 в сочетании со статьей 14 Конвенции, и в них был дискриминационный мотив (§ 46). К нарушениям были отнесены оскорбления, угрозы применения физической силы, а также проведение обыска с раздеванием, факт которого, по мнению Суда, заставил женщин чувствовать себя смущенными и униженными. Основной целью было, как указано в постановлении, наказать женщин за связь с ЛГБТ-сообществом.

Таким образом, в Постановлении Суд пришел к выводу, что была нарушена статья 3 (в материальном и правовом аспекте) в сочетании со статьей 14 Конвенции.

Дело *«Адам и другие против Румынии»* (жалоба № 81114/17 и др., 13 октября 2020), рассмотренное Европейским судом, связано с возможным нарушением статьи 1 Протокола № 12 к Конвенции, по отношению к национальным меньшинствам, обучающимся на родном языке, отличающимся от официального. Позиция заявителей, этнических венгров, основана на том, что в период сдачи выпускных экзаменов у них была большая нагрузка, так как им пришлось дополнительно сдавать два экзамена по их национальному языку в тот же период, когда проходят и основные экзамены. Заявители не смогли сдать школьные выпускные экзамены и получить аттестат, так как не набрали достаточного количества баллов по устным и письменным экзаменам по венгерскому и румынскому языку. Таким образом, они считают, что дополнительная нагрузка по изучению языка стала барьером для успешного освоения программы.

В постановлении Суд заключил, что в данном деле нет нарушения статьи 1 Протокола № 12. ЕСПЧ рассмотрел два значимых вопроса – были ли использованы все средства правовой защиты на национальном уровне, и являются ли действия властей

(введение дополнительных двух экзаменов для этнических венгров) дискриминационными по признаку национального меньшинства. Румынские власти указывали, что заявители могли по своему усмотрению подать жалобу в порядке административного производства или же в Национальный совет по борьбе с дискриминацией в пределах шестимесячного срока с момента опубликования акта. Однако Суд пришел к выводу, что заявители не имели в своем распоряжении эффективного внутреннего средства правовой защиты. Доводы Суда основаны на том, что Румыния не предоставила судебную практику по идентичным жалобам на большее количество экзаменов ни по одному из средств правовой защиты, а самостоятельно Суд не может оценить то, какие перспективы имело такое обжалование. Обычно течение такого срока на обжалование обуславливается датой принятия решения на национальном уровне, которое является исчерпывающим средством правовой защиты, но когда таких средств нет (как Суд установил в данном деле), то срок начинается с даты получения акта, права по которому были нарушены. В данном случае это получение неудовлетворительных результатов экзаменов. Так, Суд пришел к выводу, что доводы Румынии о том, что средства правовой защиты на национальном уровне не были исчерпаны, а также пропущен срок – отклонены. Интересным представляется особое мнение ряда судей Страсбургского суда. Они поддерживают доводы Румынии относительно того, что жалобу об ущемлении прав заявителям необходимо было подать в срок относительно опубликования приказа о проведении экзаменационных мероприятий (§ 13). Так, некоторые ученики, которые получили неудовлетворительные результаты, не подавали жалобы. При этом мотивом для обжалования стали именно отрицательные результаты. Судьи считают, что последствия нарушения прав могли быть предсказуемы еще на более ранних этапах, поэтому заявителям необходимо поднимать данный вопрос после опубликования соответствующих актов, устанавливающих порядок экзаменационных мероприятий.

Оценивая право на изучение образовательной программы на венгерском языке с точки зрения возможной дискриминации по языковому признаку, Суд рассмотрел, присутствует ли пагубное воздействие на определенных лиц или их группу. Суд отметил, что заявители выбрали обучение на венгерском языке сознательно и добровольно (§ 101). При этом изучение языков является необходимым как для субъективной защиты национальных меньшинств, так и для сохранения культурного разнообразия, и Государство со своей стороны должно обеспечивать такое право (§ 94). В данном деле Суд не нашел нарушения указанной статьи, проанализировав в том числе и данные по освоению образовательных программ с как удовлетворительными, так и отрицательными результатами. Так, сроки проведения экзаменов публикуются заранее и не претерпевают существенных изменений из года в год, поэтому у заявителей было достаточно времени на подготовку. Более того, устные экзамены проводятся за четыре месяца до письменных, ввиду чего в указанный летний период прибавляется лишь один экзамен, что не представляет собой сильное ухудшение положения по сравнению с румынскими учениками. Таким образом, по мнению Суда, рассмотренные факторы и их последствия были незначительными и не представляли собой нарушение статьи 1 Протокола № 12, а обучение именно в тех образовательных организациях, где изучаются языки национальных меньшинств, – это добровольный выбор.